

СПЕЦВЫПУСК.
40 ЛЕТ UNCLOS

РОССИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ
ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ
И ОКЕАНИИ ИВ РАН

О ЦЕНТРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН

Центр ЮВА, АиО ИВ РАН осуществляет работу в соответствии с приоритетными научными направлениями фундаментальных исследований РАН в тесной увязке с национальными интересами России.

Мы твердо придерживаемся принципа сохранения комплексности исследований, сочетая современный и традиционный циклы научных изысканий, уделяя основное внимание внутривнутриполитическому развитию стран Юго-Восточной Азии, их внешнеполитическим и экономическим отношениям с партнерами.

В рамках проводимых Центром конференций, а также публикаций статей в периодических изданиях и коллективных монографиях, проводится мониторинг экономических, политических и культурных событий, происходящих в регионе.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Цель данного бюллетеня — анализ произошедших с начала СВО изменений и основных трендов в отношениях России с государствами Юго-Восточной Азии, а также выработка практических предложений в области приоритетных направлений для развития всестороннего взаимодействия со странами АСЕАН в условиях активизации «поворота России на Восток».

Специальный выпуск посвящен анализу работы над Кодексом поведения сторон в Южно-Китайском море, применению Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, позициям России в области применения UNCLOS в других регионах, в частности, в Арктике.

 seasia.ivran.ru

 sea@ivran.ru

 [seasia_ivran](#)

СОДЕРЖАНИЕ

К 40-ЛЕТИЮ КОНВЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	3
КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 Г. В ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМА И КИТАЯ	5
КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 ГОДА: ВСЕ ЛИ ПРОБЛЕМЫ РЕШЕНЫ?	7
СИТУАЦИЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ПОЗИЦИЯ ИНДОНЕЗИИ	9
ПРИМЕНИМОСТЬ UNCLOS В ВОПРОСАХ ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ «ТРЕУГОЛЬНИКА» ИНДОНЕЗИЯ — МАЛАЙЗИЯ — СИНГАПУР	11
ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ВОПРОСУ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ	13
КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ В ДИАЛОГЕ «ЯПОНИЯ-АСЕАН»	15
ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛА ТИМОРСКОГО МОРЯ МЕЖДУ АВСТРАЛИЕЙ, ВОСТОЧНЫМ ТИМОРОМ И ИНДОНЕЗИЕЙ	17
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН	19

Опубликовано

Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

Институт востоковедения РАН

Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Все права защищены

Коллектив авторов

Д.В. Мосяков — зав. Центром ЮВА, АиО ИВ РАН, д-р ист. наук, профессор;

П.А. Гудев — ведущ. науч. сотр. Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, канд. ист. наук;

Е.М. Астафьева — ученый секретарь Центра ЮВА, АиО ИВ РАН, ст. науч.сотр., канд.ист. наук;

А.Ю. Другов — гл. науч. сотр. Центра ЮВА, АиО ИВ РАН, член ученого совета ИВ РАН, д-р полит. наук;

Д.С. Панарина — ст. науч. сотр. Центра ЮВА, АиО ИВ РАН, канд. культурологии;

К.Г. Муратшина — ст. науч. сотр. Центра ЮВА, АиО ИВ РАН, канд. ист. наук;

П.С. Шатерников — сотрудник Центра ЮВА, АиО ИВ РАН;

А.А. Гарин — науч. сотр. Центра ЮВА, АиО ИВ РАН, канд. ист.наук.

К 40-ЛЕТИЮ КОНВЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

История человечества неразрывно связана с морями и океанами, покрывающими 71% поверхности Земли. Порядка 80% международной торговли осуществляется морским путем.

Эти обширные пространства имеют чрезвычайно важное значение для Российской Федерации — самой большой страны мира, берега которой омывают сразу три океана.

Недавно мир отметил 40-ю годовщину подписания Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Десятилетия назад ее поддержали более 150 государств, среди которых был и Советский Союз. Конвенция стала настоящим примером мультилатерализма в мировой политике и по сей день играет фундаментальную роль в международном праве. Документ представляет собой единый свод правил взаимодействия в морях и океанах и содержит более 300 статей, регламентирующих ряд вопросов, включая права на проведение научных исследований, механизмы для определения морских зон и границ, а также урегулирования территориальных споров.

Сегодня глобальная архитектура переживает серьезные преобразования, а морские пространства превратились в арену соперничества мировых акторов.

Территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ) с годами все сильнее приобретают черты одного из самых опасных очагов нестабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

По-прежнему ведутся переговоры, принимаются отдельные соглашения на межгосударственном уровне, однако кардинально противоречия в области территориального размежевания, рыболовства, разведки и добычи нефти и газа, свободы судоходства так и не разрешены, равно как и не принят Кодекс поведения в ЮКМ. Еще больше подрывает региональную безопасность гонка вооружений, охватившая АТР.

Конфронтационные сценарии могут стать реальностью и для другого уголка земного шара — Арктики. Радикализация международно-политических позиций США и Канады в северных широтах, отказ Швеции и Финляндии от своего нейтралитета, милитаризация региона заполярными странами-союзниками Вашингтона с целью противодействия России — предвестники превращения арктического пространства в очередную арену противостояния.

Обостряет обстановку в северных морях и Эстония, которая объявила о намерении ввести режим прилегающей зоны в Финском заливе.

Подобные действия Таллина вряд ли повлекут за собой реальные изменения и правовые последствия для судоходства в этом районе, однако свидетельствуют о необходимости уделять больше внимания анализу ситуации на омывающих Россию морских пространствах.

Широкий резонанс вызвало расследование американского журналиста и лауреата Пулитцеровской премии Сеймура Херша. По его сведениям, взрывчатку под «Северными потоками» заложили водолазы ВМС США, а к уничтожению трубопроводов также причастны норвежские спецслужбы. Российская сторона справедливо рассматривает эти действия как акт международного терроризма, с чем трудно не согласиться, ведь подобные диверсии заставляют задуматься об уязвимости морской инфраструктуры в самых разных уголках земного шара. Эта проблема актуальна и для Азиатско-Тихоокеанского региона.

В спецвыпуске бюллетеня анализируются проблемы и причины отсутствия прогресса в работе над Кодексом поведения сторон в ЮКМ, приводятся примеры успешного применения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также представлена оценка позиции России в области применения Конвенции, в частности, в Арктике.

Новый выпуск стал продолжением работы Центра ЮВА, АиО ИВ РАН по мониторингу ситуации в Юго-Восточной Азии и ЮКМ в частности. Эта задача на протяжении вот уже более восьми лет является одним из главных направлений научных исследований широкого коллектива отечественных и иностранных ученых в рамках специального проекта под руководством заведующего Центром Юго-Восточной Азии Австралии и Океании ИВ РАН, д.и.н., профессора Д.В. Мосякова.

ДИВЕРСИИ НА ТРУБОПРОВОДАХ «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК —1» И «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК —2»

☀ — МЕСТА ВЗРЫВОВ

|| — ТРУБОПРОВОДЫ «СП-1» И «СП-2»

КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 Г. В ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМА И КИТАЯ*

В декабре 1982 г. в ямайском городе Монтего-Бей, состоялось подписание конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS), которая сегодня, ратифицирована почти 170 государствами мира и является одним из основополагающих документов международного морского права. Ее применение можно обнаружить в разных регионах мира, но особенно она актуальна для акватории Южно-Китайского моря, где переплетаются интересы Китая и его соседей по ЮКМ, существует постоянная угроза столкновений военно-морских сил Китая и США, когда раз за разом американские военные суда проходят по акваториям, которые КНР объявила закрытыми для мореплавания. Некоторые аналитики, учитывая длительность и остроту конфликта полагают, что проблемы ЮКМ неразрешимы путем компромисса, что кодекс поведения сторон в этом регионе, который должен стабилизировать ситуацию так никогда и не будет подписан и, что значение конвенции ООН по морскому праву 1982 г. крайне невелико и все определяется соотношением сил сторон.

Мне представляется, что такая постановка вопроса не вполне соответствует действительности, что на самом деле конвенция ООН по морскому праву 1982 г. постоянно присутствует как юридический фундамент любых переговоров по урегулированию конфликтов в ЮКМ. Другое дело, что иногда положения этой конвенции оказываются довольно расплывчатыми, какие-то вопросы, например статус искусственных насыпных островов, построенных Китаем на отмелях и рифах не вполне четко прописан, что позволяет достаточно широко трактовать положения конвенции. В Китае, например, полагают, что насыпные острова обладают теми же качествами, что и острова естественные то есть и 12-мильной и 200-мильной экономической зоной и иными правами. В США это отказываются признавать и полагают, что насыпные острова не имеют никаких новых качеств, а остаются как рифы или скалы, которые никаких экономических зон и иных прав не предоставляют.

Однако этот пример тупиковой ситуации, опасной с точки зрения разрешения ее военными методами не вполне показателен, так как в регионе ЮКМ есть примеры тщательного и полного выполнения положений UNCLOS, когда именно опора на эту конвенцию позволяла сторонам достичь определяющих успехов. Речь идет естественно о важнейшем договоре по разделу акватории Тонкинском залива, заключенном в 2000 г. между Вьетнамом и Китаем.

В процессе длительных переговоров, а начались они в 1991 г. обе стороны, руководствовались нормами международного права, в том числе Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., отказывались от односторонних шагов и применения силы. Они активно продвигали идею формирования особого «китайско-вьетнамского метода решения споров», который основывался на взаимном уважении и согласованиях. На протяжении всего процесса переговоров и Китай, и Вьетнам избегали любых действий, способных привести к эскалации конфликта, стараясь несмотря на имевшиеся противоречия укреплять «братские» и дружественные» отношения между КПВ и КПК и народами двух государств. Это позволило, в конце концов, приблизиться к урегулированию ключевых спорных вопросов — как по сухопутной границе, так и по разделу Тонкинском залива. Насколько напряженным и трудным был путь к компромиссу говорит тот факт, что только по Тонкинскому заливу в 1992-2000 гг. были проведены семь раундов переговоров на правительственном уровне, три встречи глав правительств, 18 раундов переговоров на рабочем уровне и 49 встреч совместной рабочей группы и группы по согласованию карт.

В июне 2004 г. Национальное собрание СРВ ратифицировало подготовленный обеими сторонами Договор о демаркации в Тонкинском заливе, что позволило установить в этом районе порядок, основанный на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Общая граница в Тонкинском заливе составила порядка 500 км, она проходит через территориальное море, исключительные экономические зоны (ИЭЗ) и континентальный шельф залива. По договору, Китаю отошли 46,77% общей площади залива, Вьетнаму 53,23%, то есть на 8 тыс. кв. км больше. Вьетнамская сторона объяснила это большей протяженностью береговой линии и большим количеством островов залива.

Соглашение по Тонкинскому заливу можно считать образцовым применением конвенции ООН по морскому праву. Именно она послужила правовой основой для достижения успеха. Сам же договор стал одним из ключевых документов во вьетнамо-китайских отношениях, закрепляющих добрососедство и сотрудничество между двумя странами.

В силу целого ряда объективных обстоятельств добиться такого же успеха в разделе Южно-Китайского моря и островов Парасельских и Спратли до сих пор не удается.

* МОСЯКОВ ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ — ЗАВЕДУЮЩИЙ ЦЕНТРОМ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ».

Конфликт очень сложный, в нем участвуют пять прибрежных стран, у всех своя историческая мифология, свои интересы, поэтому компромисс очень сложен. Кроме того во всех странах проблема раздела акватории и островов носит остро политический характер, является предметом внутривнутриполитической борьбы. Все это сильно затрудняет и сужает возможности для поиска компромисса. О сложности ситуации говорит и тот факт, что не удается пока подготовить и принять Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море, как обязывающий все страны ЮКМ документ, который заменит существующую ныне Декларацию о поведении сторон в ЮКМ, положения которой довольно часто нарушаются конфликтующими сторонами.

В то же время в последнее время появились и крайне позитивные тенденции, которые позволяют надеяться, что компромисс на основе конвенции ООН по морскому праву 1982 г. все-таки возможен и может быть подготовлен в обозримой перспективе. Такой оптимизм связан с тем, что в последнее время мы можем наблюдать новое и очень серьезное сближение Китая и Вьетнама. В западной прессе к сожалению об этом ничего практически не говорится потому что это явно идет вразрез с планами США направить Вьетнам против Китая используя их противоречия в ЮКМ. А между тем, судя по тем документам, которые были подписаны в Пекине и тем заявлениям которые были сделаны в ходе визита Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга в китайскую столицу и его встреч в начале ноября прошлого года с председателем КПК Си Цзиньпином, можно сделать вполне очевидный вывод о сближении двух социалистических государств, которые стремятся активной развивать многообразные отношения друг с другом. Так, например, в коммюнике, подписанном по итогам визита вьетнамского руководителя в Пекин говорится, что «стороны придерживаются курса на «добрососедство, всестороннее, долгосрочное, стабильное сотрудничество, ориентированность на будущее» и дух «хороших соседей, хороших друзей, хороших товарищей и хороших партнеров». Китайский и вьетнамский руководители также раскрывают основные принципы, на основании которых будут строиться взаимные отношения. В документе указывается, что «стороны продолжают укреплять политическое доверие, уважать друг друга и взаимодействовать для реагирования на региональные и глобальные вызовы, вносить активный вклад в сохранение мира и продвижение развития в регионе и мире».

К огромному разочарованию американских стратегов, стремящихся посеять рознь между соседями, новый импульс получило сотрудничество Вьетнама и Китая в военной сфере.

В коммюнике отмечается, что «стороны активизируют обмен военными делегациями на высоком уровне, продолжат организовывать такие мероприятия, как вьетнамо-китайский стратегический диалог по вопросам обороны, проводить военно-морскими силами двух стран совместное патрулирование в Тонкинском заливе, сохранять горячую линию между министерствами обороны двух стран, проводить совместное патрулирование сухопутной границы пограничниками двух стран».

Все эти позитивные сдвиги во вьетнамо-китайских отношениях связаны с тем, что растут угрозы их безопасности, политика США и коллективного Запада становится все более агрессивной в отношении Китая и стран Юго-Восточной Азии. Формирование новых военных блоков, типа пресловутого AUKUS или Partners in the Blue Pacific, которые объявили, что берут на себя безопасность тихоокеанских стран, находясь территориально в тысячах километров от них, создает новую и опасную для всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона реальность.

Никто на Западе даже не подумал спросить, нужна ли тихоокеанским странам их защита. Более того, для усиления своего влияния США и их союзники по НАТО приняли решение расширить зону ответственности НАТО на Тихий Океан. Об этом было заявлено на саммите в Мадриде, состоявшемся в мае 2022 г. Было сказано, что НАТО должна будет устанавливать и охранять демократию во всем этом огромном регионе.

В такой ситуации новых и очень серьезных угроз региональной безопасности можно только приветствовать желание Вьетнама и Китая укреплять свои отношения перед лицом очевидных вызовов их стабильности и процветанию. Полагаю, что руководство обеих стран учитывает опыт России, когда точно также прикрываясь словами о защите демократии и об обороне Европы, которой никто не угрожал, блок НАТО в 90-е годы прошлого века постепенно продвигал свою военную инфраструктуру к границам России. В конечном счете все это вылилось в агрессию НАТО против России, которую эта военная организация осуществляет при помощи своего прокси-союзника в Киеве.

Сегодня с планируемым и вполне возможным уже в ближайшей перспективе приближением НАТО к границам Восточной и Юго-Восточной Азии процесс консолидации государств АСЕАН становится фактором их выживания, а конвенция ООН по морскому праву 1982 г. выступает фундаментом решения существующих противоречий. К этому, кстати, не раз призывала и Россия, которая всегда выступала за имплементацию положений UNCLOS при решении взаимных споров и конфликтов. Так что и через сорок лет после своего подписания UNCLOS сохраняет свою актуальность в ЮКМ, да и во всем мире.

КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 ГОДА: ВСЕ ЛИ ПРОБЛЕМЫ РЕШЕНЫ?*

В 2022 году был 40-летний юбилей с того момента как в декабре 1982 г. на Ямайке была подписана Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., а через год в 2024 году будет 30 летний юбилей с момента ее вступления в силу в 1994 году. Этот документ абсолютно заслуженно получил название «Конституции морей». Во-первых, она затрагивала практически все сферы, связанные с использованием пространств и ресурсов Мирового океана, актуальные на тот исторический период времени. Во-вторых, разработка Конвенции длилась рекордные 10 лет, с 1973 по 1982 год. В-третьих, в III Конференции ООН по морскому праву участвовало примерно в два раза больше государств, нежели в предшествующих I и II Конференциях (1958 и 1960 гг., соответственно). В-четвертых, в ее рамках были использованы достаточно уникальные методы принятия решений: пакетный и консенсусный подходы. В-пятых, в рамках разработанного документа был совершен переход от так называемого дуалистического разделения вод Мирового океана (внутренние воды и территориальное море, находящееся под суверенитетом прибрежного государства, с одной стороны, и открытое море со всеми вытекающими свободами открытого моря с другой), на т.н. зональный. Были выделены такие морские пространства, как прилежащая и исключительная экономическая зоны, архипелажные воды и международные проливы, разработан режим континентального шельфа и Международного района морского дна. Отметим также, что и СССР, и США были одними из главных лоббистов формирования нового всеохватывающего правового режима Мирового океана. США, со своей стороны, всегда стремились к унификации поведения государств в Мировом океане и хотели остановить т.н. «ползучую юрисдикцию», когда те или иные страны с конца 1940-х гг. пытались распространить свой суверенитет или же юрисдикцию на дополнительные морские пространства. Советский Союз не только выступал проводником, защитником интересов своих союзников — развивающихся стран, но и преследовал свои военно-стратегические и экономические интересы, будучи крайне заинтересованным в разработке единого режима использования тех или иных пространств и ресурсов Мирового океана. Для многих развивающихся стран участие в таком грандиозном мероприятии было не только гарантом повышения их международного статуса, но и хорошим уроком по ведению политико-дипломатических переговоров и дискуссий.

Несмотря на все вышеперечисленное, Конвенция 1982 г. не положила конец правопритязаниям тех или иных государств. И если копнуть немного глубже, и ознакомиться с ходом переговоров в рамках III Конференции, то станет понятно, что эти противоречия имеют свои исторические корни. Так наиболее хрестоматийный пример страны-нарушителя базовых норм и положений Конвенции — это КНР, которая ограничивает право мирного прохода военных кораблей через свое территориальное море, настаивая на разрешительном характере такого прохода. Однако, такая позиция была впервые зафиксирована Пекином еще в 1958 году в первом Законе о территориальном море. А затем она настойчиво отстаивалась китайской делегацией в ходе проведения Конференции. Крупнейшие военно-морские державы того времени не были заинтересованы в поддержке китайского подхода, да и вес Китая тогда в международной политике был абсолютно иным, чем в нынешние годы. Можно привести и другие примеры: так Турция изначально не поддерживала расширение внешних границ территориального моря до 12 морских миль, выступала резко против правового режима «островов» (ст. 121), что и на сегодня определяет суть противоречий между Турцией и Грецией в Эгейском море.

Если взять американскую статистику, то примерно одна четверть государств вплоть до сегодняшнего времени нарушают те или иные конвенционные нормы. Правда, здесь необходимо сделать одно уточнение: половина из них закрепили такие расширенные трактовки тех или иных конвенционных норм в рамках своего национального законодательства, другая же половина идет гораздо дальше — они на практике эти нормы нарушают. С целью противодействия всем этим морским правопритязаниям США еще в 1979 году запустили программу по защите свободы судоходства (Freedom of Navigation, FON) под эгидой Госдепартамента и Пентагона. Первой ее целью стала Ливия, где Муаммар Кадаффи перекрыл прямой исходной линией всю акваторию залива Сидра и объявил его воды внутренними на исторических правооснованиях, распространив таким образом суверенитет государства не только на акваторию, дно и недра, но и воздушное пространство над ними. На сегодняшний день постоянными «клиентами» этой американской программы являются Китай и Иран, который имеет свое видение относительно режима судоходства в Ормузском проливе.

* ГУДЕВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ — ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦСАИ ИМЭМО РАН, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИКИ США И КАНАДЫ В МИРОВОМ ОКЕАНЕ ИМЭМО РАН.

Однако ради объективности отметим, что США не стесняются оспаривать правопритязания и своих ближайших союзников — Канады, Австралии, Японии, Южной Кореи, Тайваня. В большинстве случаев, эти споры касаются неверно (с американской точки зрения) установленных прямых исходных линий вдоль побережья, от которых отсчитываются все предписанные Конвенцией морские зоны суверенитета (территориальное море), суверенных прав юрисдикции (прилежащая и исключительная экономическая зоны, континентальный шельф).

И Советский Союз, и Российская Федерация не являются в этом плане исключением. В середине 1960-х гг. США оспаривали статус советских арктических проливов на трассе СМП. В 1957 году Вашингтон и его союзники не согласились с отнесением всей акватории залива Петра Великого к внутренним водам СССР; в 1991 году США пытались оспорить правовой статус акватории Белого моря; в 1990 году оспаривали прямые исходные линии около Авачинской бухты; за последние годы несколько раз подходили излишне близко к заливу Петра Великого (в 2018 и 2020 г. соответственно). И конечно же главным предметом спора между нашими странами является вопрос о правовом статусе СМП, а более предметно его арктических проливов: относятся ли они к категории международных с правом транзитного прохода (позиция США) или же их акватория была еще в советские годы закрыта прямыми исходными линиями и отнесена к категории внутренних вод на исторических правооснованиях, где невозможен никакой режим прохода, кроме как разрешительный (позиция РФ). Заметим при этом одну парадоксальную вещь: США делали попытки оспаривания их правового статуса в 1960-е гг, как мы уже отмечали выше; во второй половине 1980-х., когда эти линии были проведены советским руководством, никаких нот дипломатического протеста не последовало; после вступления Конвенции 1982 г. в силу (1994 г.) и ратификации ее со стороны Российской Федерации (1997 г.) начались постепенные намеки с американской стороны, что режим судоходства на трассе СМП не может быть основан на сочетании национального советского/российского законодательства и норм и положений Конвенции 1982 г., а должен быть целиком и полностью ориентирован на последнюю.

Пекин в этом отношении, с одной стороны, исполнительный последователь советской практики. Он еще в 1958 году, через год после аналогичного шага СССР (см. выше), закрыл прямыми исходными линиями Хайнаньский пролив и Бохайский залив, распространив на них статус внутренних исторических вод.

В своих претензиях на акваторию ЮКМ в рамках 9-ти пунктирной линии Китай также постоянно акцентировал внимание на неких исторических правах, официально, правда, не поясняя, что он имеет ввиду и к чему относятся эти претензии — только к спорным островам или же ко всей акватории (статус внутренних исторических вод?). С другой стороны, Пекин выступает, наверное, самым каверзным разрушителем правовой концепции «внутренних исторических вод», существенным образом дискредитируя её суть. Это связано с тем, что такой правовой статус может быть применен к водам, которые: 1) имеют важное оборонное и экономическое значение (ЮКМ имеет такое значение не только для Китая, а и для всех региональных государств); 2) страна проецировала суверенитет над этими водами в течение долгого периода времени и непрерывно (Китай явно не соответствует этому критерию); 3) существует молчаливое согласие всех других государств (другие страны, безусловно, не согласны с претензиями Пекина). Неслучайно, что решение Постоянной Палаты Третейского Суда в Гааге от 2016 г. поддержало на 98% позицию истца — Филиппин, в том числе и по части т.н. исторических прав.

Проблема с нарушениями норм и положений Конвенции 1982 г. связана также с тем обстоятельством, что международные судебные инстанции наделены ограниченными полномочиями по влиянию на ответчика в особенности в том случае, если он не признает ни решение, ни юрисдикцию этих международных структур. Так, например, после вердикта Международного Арбитража Пекин понес исключительно репутационные издержки и лишь немного умерил свои амбиции, фактически отказавшись от вызывающей не только раздражение, но и легкую улыбку и искреннее недоумение экспертного сообщества, пунктирной линии. Было бы это решение Международного Трибунала по морскому праву — он мог бы наказать Китай лишением права выбора судей в его состав. А Международный Суд мог бы инициировать сбор заседания СБ ООН, но при статусе постоянного члена Китаю это бы ничем не грозило.

Поэтому роль и значение Конвенции 1982 г. в этом вопросе не стоит преувеличивать. Она выполняет лишь функцию своеобразного «свода правил», «правового зонтика» для всех государств. Урегулирование же морских конфликтов и нивелирование правопритязаний, разрушающих единый правовой режим Мирового океана, — вопрос крайне сложный, деликатный, требующий времени, знаний, компетенций. Причем только силовые методы здесь вряд ли будут на 100% успешны попытки заставить уважать нормы и положения Конвенции силой могут привести к прямо противоположному результату, а то и к риску вооруженного столкновения.

СИТУАЦИЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ПОЗИЦИЯ ИНДОНЕЗИИ*

Предметом расхождений между Индонезией и КНР в Южно-Китайском море является статус части ЮКМ, примыкающей к архипелагу Натуна к северо-западу от острова Калимантан, которую Индонезия считает своей исключительной экономической зоной. Здесь находятся богатые месторождения нефти и газа.

Официально Пекин признает архипелаг территорией Индонезии, но часть ИЭЗ Индонезии здесь пересекается с так называемой девятипунктирной линией, обозначенной КНР. В апреле 2014 г. индонезийские военные обвинили Китай в том, что на китайских картах часть архипелага отнесена к китайской территории.

В 2016 г. произошел инцидент с китайским судном, занимавшимся незаконным ловом рыбы в этих водах, ему на помощь пришли корабли береговой охраны КНР. В 2019 г. 63 китайских рыболовных судна и два военных корабля вошли в ИЭЗ Индонезии близ Натуна. Джакарта заявила официальный протест Пекину и отправила на острова военные корабли и истребители. Последний по времени заход корабля береговой охраны КНР имел место 30 декабря 2022 г.

В 2017 г. Индонезия переименовала морские территории вокруг архипелага в Море Северная Натуна. Это вызвало протесты со стороны КНР. В конце ноября – начале декабря 2021 г. индонезийские СМИ сообщили, что правительство Китая направило Индонезии ноту с требованием прекратить деятельность буровых установок по добыче нефти и газа в водах архипелага и проведение военных учений в этом районе. Речь шла, в частности, об индонезийско-американских учениях с участием около 4500 военнослужащих. Такие учения под кодовым названием «Garuda Shield» (Гаруда — птица индуистского бога Шива, изображенная на гербе Индонезии) проводятся с 2009 г., и в них помимо Индонезии и США участвует еще ряд стран. Представитель МИД Индонезии отказался подтвердить или опровергнуть подлинность ноты, заявив, что дипломатическая переписка не подлежит оглашению. По некоторым данным, это был не первый протест Китая по поводу Натуны.

США используют напряженность в регионе, чтобы достичь совместно с Индонезией блокирования Китая. В октябре 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео в ходе визита в Джакарту обсуждал ситуацию в Натуна с министром иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди. Он одобрил позицию Индонезии по защите суверенитета в районе Натуна и выразил готовность сотрудничать

в обеспечении безопасности судоходства на самых оживленных морских коммерческих путях в мире. Р. Марсуди призвала США наращивать инвестиции в Индонезии, в том числе и на таких отдаленных островах как Натуна.

Индонезийское руководство исходит из принципа непререкаемой территориальной целостности страны и, соответственно, суверенитета Республики в море Северная Натуна. В то же время подходы к этой проблеме, как и ко всей ситуации в ЮКМ, «многомерны». Находясь в Токио в марте 2015 г. президент Джоко Видодо заявил, что претензии КНР на большую часть ЮКМ не имеют правового обоснования, но днем позже в Пекине он говорил, что его высказывания отнюдь не направлены против Китая и Индонезия в этом вопросе абсолютно нейтральна. В октябре того же года в Вашингтоне он отверг попытки установить контроль и доминирование над морскими путями и превратить моря в арену соперничества. Индонезия за свободу мореплавания и, сохраняя нейтралитет, как крупнейшая страна ЮВА готова играть активную роль в урегулировании споров.

На саммите АСЕАН в Пномпене 11 ноября 2022 г., Д. Видодо подчеркнул недопустимость конфликтов в ЮВА, указав, что КНР как крупнейшая держава несет ответственность за создание здесь благоприятной обстановки. Это может быть достигнуто лишь путем стратегического доверия и уважения международного права, включая UNCLOS 1982.

Индонезия испытывает естественное опасение оказаться «зажатой» в американо-китайском противостоянии в ЮКМ. Китай — крупнейший внешнеторговый партнер страны — в 2021 г. экспорт Индонезии в КНР составил 63,65 млрд. долл., главным образом минеральное топливо и никель, импорт из Китая — 71 млрд., и один из важнейших инвесторов. Поэтому лидеры Индонезии, отстаивая принципиальные позиции, «перемежают» высказывания заявлениями о готовности к далеко идущему партнерству с КНР.

Во время визита в Пекин в июле 2022 г. Джоко Видодо сказал, что Индонезия и Китай братские страны по единой судьбе в полном смысле этого слова. «Мы должны наполнить партнерство сотрудничеством, выгодным для обеих стран, для нашего региона и всего мира».

Индонезия была среди 19 стран, голосовавших в ООН против резолюции, касающейся положения уйгурского мусульманского меньшинства в Китае притом, что Индонезия имеет самую многочисленную мусульманскую общину в мире.

* ДРУГОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ — ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН, ДОКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК.

Аналогичные проявления имели место с китайской стороны. 11 июля 2022 г. президент Д. Видодо принял министра иностранных дел КНР Венг И, который высоко оценил усилия Индонезии по урегулированию ситуации, сложившейся на Украине, поездку Джоко Видодо в Киев и в Москву.

Вместе с тем, принимая вновь назначенного посла КНР в Индонезии 8 апреля 2022 г., министр обороны Индонезии П. Субианто сказал, что повышение отношений между двумя странами до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства должно быть нацелено на урегулирование региональных проблем, включая вопросы, связанные с ЮКМ и морем Северная Натуна.

Часть индонезийских лидеров видит в США известный противовес влиянию Китая. Спикер парламента Пуан Махарани заявила, что США и Индонезию роднят уважение к демократическим принципам и правам человека и стремление сохранить стабильность и безопасность в регионе ЮВА. Она высказалась за усиление сотрудничества, в частности, в вопросах стабильности в ЮКМ.

Спикер Народного консультативного конгресса Бамбанг Сусатьо среди задач вновь назначенного главкома вооруженных сил адмиралом Юдо Маргоно обозначил готовность к любым ситуациям в море Северная Натуна, где сохраняется возможность конфликтов. «Ни один клочок земли, ни одна частица водного или воздушного пространства не должны попасть в чужие руки», заявил он 19 декабря 2022 г. За этим явно просматривался Китай. Назначая на пост начальника штаба военно-морского флота адмирала Мухаммада Али 28 декабря 2022 г., президент Джоко Видодо среди его главных задач назвал охрану суверенитета страны в пограничных водах, в особенности в ЮКМ, что, опять-таки, носило почти неприкрытую китайскую коннотацию.

В военной элите обнаруживается очевидная тенденция к взаимодействию с США и с Западом в целом. Генерал Андика Перкаса незадолго до ухода с поста главкома вооруженных сил страны в декабре 2022 г. высказался за расширение связей с QUAD – стратегическое партнерство четырех стран – Индии, Австралии, Японии и США. В последние годы усилены военно-морские формирования в районе Натуна, в 2021 г. было начато строительство там базы подводных лодок.

Мирный проход иностранных кораблей, в том числе и военных, через ИЭЗ допускается, но официальные лица откровенно указывают, что особый контроль осуществляется за китайскими судами, признавая, что подозрительных действий с их стороны не отмечалось. В то же время начальник штаба ВМФ адмирал М.Али 26 января 2023 г. заявил, что ситуация в море Натуна спокойнее, чем это иногда представляют.

Тем не менее, министр обороны П. Субианто ведет активные переговоры о закупке 36 истребителей F-15 у США и 42 истребителей Rafale у Франции, а также двух подводных лодок.

Аналогичные проявления имели место с китайской стороны. 11 июля 2022 г. президент Д. Видодо принял министра иностранных дел КНР Венг И, который высоко оценил усилия Индонезии по урегулированию ситуации, сложившейся на Украине, поездку Джоко Видодо в Киев и в Москву.

Вместе с тем, принимая вновь назначенного посла КНР в Индонезии 8 апреля 2022 г., министр обороны Индонезии П. Субианто сказал, что повышение отношений между двумя странами до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства должно быть нацелено на урегулирование региональных проблем, включая вопросы, связанные с ЮКМ и морем Северная Натуна.

Часть индонезийских лидеров видит в США известный противовес влиянию Китая. Спикер парламента Пуан Махарани заявила, что США и Индонезию роднят уважение к демократическим принципам и правам человека и стремление сохранить стабильность и безопасность в регионе ЮВА. Она высказалась за усиление сотрудничества, в частности, в вопросах стабильности в ЮКМ.

Спикер Народного консультативного конгресса Бамбанг Сусатьо среди задач вновь назначенного главкома вооруженных сил адмиралом Юдо Маргоно обозначил готовность к любым ситуациям в море Северная Натуна, где сохраняется возможность конфликтов. «Ни один клочок земли, ни одна частица водного или воздушного пространства не должны попасть в чужие руки», заявил он 19 декабря 2022 г. За этим явно просматривался Китай. Назначая на пост начальника штаба военно-морского флота адмирала Мухаммада Али 28 декабря 2022 г., президент Джоко Видодо среди его главных задач назвал охрану суверенитета страны в пограничных водах, в особенности в ЮКМ, что, опять-таки, носило почти неприкрытую китайскую коннотацию.

В военной элите обнаруживается очевидная тенденция к взаимодействию с США и с Западом в целом. Генерал Андика Перкаса незадолго до ухода с поста главкома вооруженных сил страны в декабре 2022 г. высказался за расширение связей с QUAD – стратегическое партнерство четырех стран – Индии, Австралии, Японии и США. В последние годы усилены военно-морские формирования в районе Натуна, в 2021 г. было начато строительство там базы подводных лодок.

Мирный проход иностранных кораблей, в том числе и военных, через ИЭЗ допускается, но официальные лица откровенно указывают, что особый контроль осуществляется за китайскими судами, признавая, что подозрительных действий с их стороны не отмечалось. В то же время начальник штаба ВМФ адмирал М.Али 26 января 2023 г. заявил, что ситуация в море Натуна спокойнее, чем это иногда представляют.

Тем не менее, министр обороны П. Субианто ведет активные переговоры о закупке 36 истребителей F-15 у США и 42 истребителей Rafale у Франции, а также двух подводных лодок.

ПРИМЕНИМОСТЬ UNCLOS В ВОПРОСАХ ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ «ТРЕУГОЛЬНИКА» ИНДОНЕЗИЯ — МАЛАЙЗИЯ — СИНГАПУР*

Все три государства подписали и ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.: Индонезия — в 1986, Сингапур — в 1994, Малайзия — в 1996, но до сих пор страны не могут прийти к окончательному определению морских границ.

Обращаясь к истории этого вопроса необходимо указать, что границы между Индонезией, Малайзией и Сингапуром возникли только в XIX веке, и напрямую это было связано с колониальной экспансией, при этом граница несколько раз меняла свой статус с международной в субнациональную и наоборот. Последний раз граница поменяла свой статус в 1965 г., когда Сингапур вышел из состава Малайзии, став независимым, суверенным государством.

В настоящее время значительная часть границы между Малайзией и Сингапуром определена Соглашением о точной делимитации границы территориальных вод, подписанном в 1995 г. правительствами обеих стран. Этот документ основан на Соглашении о Стрейтс-Сеттлментс и Соглашении о территориальных водах Джохора 1927 г., в которых граница определена в виде прямых линий, соединяющих ряд географических координат, протяженностью около 50 морских миль (93 км) по самому глубокому каналу между западным и восточным входами в Джохорский пролив.

За пределами границы, определенной соглашением 1995 г., между двумя странами до сих пор нет официального соглашения о делимитации, что время от времени приводит к возникновению обоюдных претензий и судебным разбирательствам.

Самым значимым из споров можно считать вопрос о суверенитете над островом Педра-Бранка.

Начало ему было положено в 1979 г., когда в Малайзии была выпущена карта «Границы территориальных вод и континентального шельфа Малайзии», на которой Педра-Бранка был указан в пределах малайзийских территориальных вод.

В ответ на это в 1980 г. Сингапур направил Малайзии дипломатическую ноту, с просьбой исправить карту. На протяжении нескольких лет между странами продолжалась переписка, в 1993-1994 гг. была проведена серия межправительственных переговоров, которые, однако, не привели к урегулированию спора.

Вопрос о принадлежности Мидл-Рокс и Саут-Ледж был поднят на первом раунде переговоров

в 1993 г., поскольку Малайзия и Сингапур не смогли достичь согласия, они приняли решение передать рассмотрение этого спора, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в Международный Суд ООН в Гааге.

Судом было рассмотрено множество исторических документов и около сотни карт, которые в большинстве своём не были приняты в качестве доказательств позиции обеих сторон. Согласно выводам Суда, то, что на сингапурских картах до 1995 г. остров Педра-Бранка не был включен в пределы Сингапура, является гораздо менее значимым по сравнению с важностью представленных малайзийских карт, опубликованных в период с 1962 по 1975 г. По заключению Суда эти карты могут свидетельствовать о том, что Малайзия рассматривала остров Педра-Бранка как территорию, находящуюся под суверенитетом Сингапура.

Таким образом, Суд пришел к заключению, что к 1980 г. суверенитет над Педра-Бранка в результате поведения сторон перешел к Сингапуру, однако признание этого факта не может являться причиной автоматического признания сингапурского суверенитета над Мидл-Рокс и Саут-Ледж.

23 мая 2008 г. Международным Судом было вынесено решение по делу, касающемуся суверенитета над Педра-Бранка (Пулау-Бату-Путех), Мидл-Рокс и Саут-Ледж. Суд постановил, что суверенитет над Педра-Бранка принадлежит Республике Сингапур, Мидл-Рокс принадлежит Малайзии (как преемнице султаната Джохор), а Саут-Ледж принадлежат государству, в территориальных водах которого находится.

Малайзия, не согласная с решением Суда, подала в 2017 г. заявление о пересмотре, поскольку учрежденный для выполнения решений Суда малайзиско-сингапурский технический комитет, на который была возложена задача «делимитации морских границ между территориальными водами обеих стран» так и не выполнил свои функции.

Слушания о пересмотре дела в Международном Суде были назначены на вторую половину июня 2018 г. Казалось бы, ситуация зашла в тупик, однако всё разрешилось весьма неожиданным образом — 9 мая 2018 г. в Малайзии сменилась политическая власть: премьер-министром стал (вновь) Махатхир Мохамад, и 28 мая Малайзия отозвала свои заявления о пересмотре.

* АСТАФЬЕВА ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА — СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ».

Международный Суд сообщил обеим странам об официальной регистрации прекращения производства, и постановил исключить дело из списка суда. Такое решение малайзийского правительства означает, что Малайзия больше никогда не сможет оспаривать суверенитет Сингапура над Педра-Бранка.

Последнее — девятое заседание малайзийско-сингапурского технического комитета (MSJTC) по исполнению решения суда состоялось в Сингапуре в ноябре 2021, 10 заседание планировалось провести в 2022 г. в Куала-Лумпуре, но этого так и не произошло.

27 января 2023 г. генеральный прокурор Малайзии Идрис Харун заявил, что Правительство уважает решение Международного Суда 2008 г., указывающее, что Сингапур обладает суверенитетом над Педра-Бранкой, однако указал, что отзыв администрацией Махатхира Мохаммада в 2018 г. заявления о пересмотре решения Международного Суда был «неправильным». Так же г-н Идрис сказал, что его ведомство изучает вопрос, касающийся «правонарушения на государственной должности». Здесь нужно уточнить, что предшественник г-на Анвара г-н Исмаил Сабри Якоб заявил в октябре прошлого года, что его кабинет готов подать в Международный Суд иск по Педра-Бранке, в ответ МИД Сингапура 14 октября 2022 г. заявило, что Сингапур готов «решительно защищать» свой суверенитет над Педра-Бранка.

Таким образом, на сегодняшний день остров Педра-Бранка считается территорией Сингапура, островная группа Мидл-Рокс подпадает под суверенитет Малайзии, а вопрос с принадлежностью Саут-Ледж так и остается открытым, поскольку между странами до сих пор не проведена делимитация морских границ.

Граница между Индонезией и Сингапуром возникла как часть воображаемой линии, созданной договором 1824 г. между Великобританией и Нидерландами, на ней и основана нынешняя индонезийско-сингапурская граница в Сингапурском проливе.

Соглашение о территориальных морских границах между Индонезией и Республикой Сингапур в Сингапурском проливе было подписано в мае 1973 г. Индонезия ратифицировала соглашение в декабре 1973 г., а Сингапур — в августе 1974 г. Договор о делимитации территориальных морей двух стран в западной части Сингапурского пролива был подписан обеими сторонами в мае 2009 г. в Джакарте. Он вступил в силу после ратификации в августе 2010 г.

Очередной прогресс в делимитации границ был достигнут в сентябре 2014 г., когда Сингапур и Индонезия подписали договор о морских границах в восточной части Сингапурского пролива. В отдельном заявлении Министерства иностранных дел Индонезии было указано, что делимитация морских границ была проведена в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и интересами обеих стран. Однако, окончательно граница между странами так и не делимитирована.

Что касается морской границы между Индонезией и Малайзией, то в Малаккском проливе и в Южно-Китайском море она была частично делимитирована в соответствии с договором о границе континентального шельфа в 1969 г. и договором о границе территориального моря в 1970 г. И с тех пор новых соглашений подписано не было.

Одной из спорных является граница между двумя странами в море Сулавеси. Спор о делимитации границ между двумя государствами в море Сулавеси имеет давнюю историю и впервые возник после публикации всё той же карты «Границы территориальных вод и континентального шельфа Малайзии» в 1979 г., согласно которой, большая часть территории Амбалата принадлежит Малайзии. Частично этот спор был урегулирован решением Международного суда по делу Лигитана и Сипадана в 2002 г., однако до сих пор разграничения не проведено.

По-прежнему Индонезия и Малайзия имеют перекрывающиеся претензии на континентальный шельф (Амбалат) и перспективы решения этой проблемы до сих пор не до конца ясны. Одним из путей может стать заключение соглашения о сотрудничестве и совместной разработке ресурсов в спорной зоне, что предусмотрено Конвенцией по морскому праву. Несмотря на то, что прежде подобное предложение уже было отвергнуто, вполне возможно, стороны могут вернуться к рассмотрению данного варианта мирного урегулирования конфликта.

Итак, в заключение хотелось бы сказать, что даже несмотря на применение Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в вопросах делимитации морских границ и участие для решения спорных вопросов третьей стороны — арбитров в лице Международного суда ООН и Международного трибунала по морскому праву, решения этих инстанций крайне медленно реализуются и налицо неэффективность создаваемых межгосударственных технических комитетов.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ВОПРОСУ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ*

В ходе нынешнего формирования многополярной международной системы происходит закономерное смещение векторов силы в АТР. Как следствие, эскалирует противостояние между странами во многих регионах мира. Непосредственно в АТР главным очагом конфликтов и нестабильной обстановки уже долгое время является и до сих пор остается Южно-Китайское море (ЮКМ). Это сфера столкновения стратегических, политических и экономических интересов многих стран, сфера раздела политического влияния в регионе между крупными политическими игроками. В качестве основных дестабилизирующих факторов в ЮКМ выступают: территориальные споры о принадлежности островов Спратли, рифа Скарборо, морского шельфа, Парасельских островов, и острова Натуна, а также несогласованность границ экономических зон.

Южно-Китайское море представляет собой один из наиболее важных, ключевых регионов в мире, поскольку его воды объединяют два мировых океана: Тихий и Индийский. Таким образом, борьба за контроль над спорными территориями ЮКМ, такими как Парасельские острова и архипелаг Спратли, а также за акваторию самого моря представляет большую значимость для многих участников конфликта, как региональных, так и внешних (имеются в виду страны региона, в том числе, КНР, и, кроме того, внешний игрок — США).

«Исторически так сложилось, что в международном праве нет прямых указаний на принадлежность этих островов. В 1939 г. острова были оккупированы Японией, однако после того как гитлеровская коалиция потерпела поражение во Второй мировой войне, в 1945 г. Япония по Сан-Францисскому мирному договору была вынуждена отказаться «от всех прав, правооснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские» без указания, в чью именно пользу она от них отказывается. Это дало многим странам основания претендовать на вышеозначенные территории ЮКМ, и первыми о своих правах на них заявили китайцы в 1947 г.

В то время как претензии КНР, Тайваня и Вьетнама в Южно-Китайском море базируются на исторических основаниях, претензии Филиппин основываются на результатах исследований специалистов, проведенных ещё в 1956 г. Они пришли к заключению, что 8 островов, расположенных неподалеку от филиппинских берегов, вовсе не являются частью архипелага Спратли, а относятся географически к территории этого островного государства».

Вплоть до 2016 г. и прихода к власти на Филиппинах президента Родриго Дутерте, Манила придерживалась в отношениях с Китаем политики, которая подразумевала опору на ближайшего и давнего партнера Филиппин — США. У Соединенных Штатов в ЮКМ свои стратегические и политические интересы, в том числе по сдерживанию Китая. В этом плане альянс США и Филиппин выгоден обеим странам, однако привлечение Штатов в качестве внешней третьей стороны и попытки действовать в рамках международного права методами судебного разбирательства в арбитражном суде Гааги (куда Филиппины подали иск на Китай по вопросу нарушения своего суверенитета в спорных территориях ЮКМ в 2013 г., опираясь, в том числе на UNCLOS), не принесли положительных результатов в отношениях с КНР.

Определенный сдвиг с мертвой точки произошел, когда Манила села с Пекином за стол переговоров на двусторонней основе, отказавшись задействовать при этом решение Гаагского суда, вынесенное в пользу Филиппин. Двусторонние переговоры принесли определенные плоды — улучшились дипломатические отношения между странами, однако, как показало время за шесть лет правления Дутерте кардинальных изменений по вопросу спорных территорий в ЮКМ так и не произошло, а все достигнутые договоренности (как, например, о разработке углеводородов в не спорных территориях ЮКМ) находятся в зачаточном состоянии.

Судно ВМС Филиппин BRP Davao del Sur (LD-602)
National Defence Strategy 2018-2022
Department of National Defense, Philippines

Какова же позиция Москвы в отношении территориальных споров в ЮКМ? Отвечая на этот вопрос, следует сразу сказать, что присутствие и интересы России в регионе традиционно связаны не с Филиппинами, а с Вьетнамом.

* ПАНАРИНА ДАРЬЯ СРЕГЕЕВНА — СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН, КАНДИДАТ КУЛЬТУРОЛОГИИ, СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ИЗУЧЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ РЕГИОНА, А ТАКЖЕ ТЕНДЕНЦИЯХ И ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ФИЛИППИН.

Исторически сложилось так, что Филиппины в силу колониального прошлого стали платформой реализации в ЮВА внешней политики США в АТР, и в то же время общее коммунистическое прошлое сделало Россию одним из значимых внешних партнеров именно Вьетнама.

Начиная с нулевых Москва стала более активно разворачиваться в своей внешней политике в сторону Востока и продвигать свои стратегические и экономические интересы в ЮВА через сотрудничество с Вьетнамом. Занимая нейтральную политическую позицию по вопросу территориальных споров в ЮКМ между Китаем и другими странами региона (включая Вьетнам), не принимая однозначно ни чью сторону, Россия традиционно призывала к мирному урегулированию конфликта без применения силовых методов, путем переговоров и на основе международного права, в том числе и на основе Конвенции ООН по морскому праву. «Подход России к территориальным конфликтам основан на принципах уважения государственного суверенитета и национальной целостности государств, нерушимости границ, а также опоры на международное право. Россия придерживается позиции строгого нейтралитета по отношению к тем территориальным и пограничным проблемам, в которых она не участвует».

Стоит сказать, что при этом до 2014 г. и известных событий в Украине, Москва при прочих равных старалась вести в ЮВА достаточно независимую политику и не боялась вызвать недовольство Китая, еще одного своего потенциального партнера, тем что активно продвигала экономическое сотрудничество с Вьетнамом, в том числе в виде совместных проектов по разработке нефти на территориях ЮКМ, которые являются предметом спора между Китаем и Вьетнамом. Однако после 2014 г. санкционная политика Запада вынудила Россию искать поддержки на Востоке и предпринять попытку сделать Китай своим главным другом и опорой в плане переориентации внешней политики с Запада на Восток. Это заставило Москву гласно или негласно, так или иначе вставать на сторону Китая в территориальных спорах в ЮКМ. Так, Москва не признала решение Гааги по иску Филиппин, сочтя его нелегитимным, поскольку китайская сторона не принимала участия в судебном процессе. Такая неоднозначная позиция России ослабила потенциальное влияние нашей страны в ЮВА, вызвав у большинства участников конфликта большие сомнения относительно того, что Россия может в перспективе стать нейтральной стабилизирующей силой в регионе.

На этом фоне произошло и некоторое охлаждение в отношениях между Москвой и Ханоем. Тем не менее к 2017–2018 гг. наши отношения вновь вышли на более дружеский уровень, совместные проекты начали восстанавливаться и возобновляться.

В текущих же условиях Россия оказалась максимально противопоставлена Западному миру по причине СВО на Украине. Подвергаясь сильнейшему экономическому и политическому давлению коллективного Запада и будучи обложена санкциями со всех сторон, Россия еще в большей степени, чем раньше смотрит на Восток, поэтому она максимально заинтересована в мирном урегулировании территориальных споров в ЮКМ. Москва возвращается к своей традиционной позиции по данному вопросу: несиловое решение с опорой на международное право, в том числе на Конвенцию. Что касается непосредственных российских интересов в регионе, то Москва занимает позицию формата «улучшить взаимопонимание Вьетнама и Китая путем переговоров», не уходя в анализ причин происходящего в ЮКМ.

КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ В ДИАЛОГЕ «ЯПОНИЯ–АСЕАН»*

Япония — один из крупных и значимых диалоговых партнеров АСЕАН. Между ними регулярно проводятся саммиты в формате «АСЕАН+1», реализуются совместные экономические проекты, японская сторона участвует также в мероприятиях форматов «АСЕАН+3» и «АСЕАН+10».

На фоне военно-политического и экономического соперничества Японии с Китаем вполне ожидаемо было бы видеть от нее поддержку любых антикитайских действий в Юго-Восточной Азии и в том числе помощь оппонентам Китая в Южно-Китайском море с отстаиванием необходимости применения Конвенции ООН по морскому праву для разрешения любых морских споров. Однако в действительности события развиваются иначе.

В своем диалоге с АСЕАН Япония не продвигает UNCLOS, как главный правовой инструмент, а говорит о другом концепте — «порядке, основанном на правилах». Этот абсолютно неправовой, не имеющий определения и пустой с точки зрения русского языка термин привычнее слышать в лексиконе политиков и дипломатов стран Запада. Но Япония, восприняв его от своего союзника — США, — ввела в собственную практику его употребление. Казалось бы, всему миру давно ясно, что «правила» придумал коллективный Запад, определивший себя, как гегемона в международных отношениях, в том числе поставив себе на службу «международное право», взяв его в свои руки и превратив в инструмент консервации однополярного миропорядка. С ним единым фронтом выступают союзники — Япония, Австралия, Новая Зеландия. Но поразителен конформизм, с которым многие из западных стран, не состоящих в западной системе союзов, в том числе из ЮВА, воспринимают такого «кота в мешке», привыкая к нему и начиная повторять чужие формулировки в своем дискурсе.

Индифферентная позиция японской стороны по отношению к подписанной и ратифицированной ею Конвенции по морскому праву коррелирует с тем, что США не являются стороной UNCLOS, а «бежать вперед» своего союзника и покровителя Япония явно не намерена.

Японские представители на переговорах с АСЕАН решают еще и собственную внешнеполитическую задачу и говорят о Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях заодно, не только уравнивая разные территориальные споры, но и создавая прецедент упоминания проблемы, относящейся не к Юго-Восточной Азии, а к японско-китайским отношениям, на многостороннем уровне. АСЕАН не выдвигает возражений против такой

постановки вопроса, поэтому японская сторона продолжает свою политику, сделав вывод о возможности поднимать интересующую ее тему в диалоге с Ассоциацией. Пока оценка ситуации в Восточно-Китайском море не включается в итоговые заявления саммитов, но Япония определенно будет продолжать навязывать как на многостороннем, так и на двустороннем уровне странам ЮВА свое видение этой проблемы.

Еще один прием, который Токио использует в диалоге с АСЕАН, — смещение акцентов. Япония обращает внимание не столько на нарушение конкретных международно-правовых норм (в первую очередь, UNCLOS), сколько на то, что она обозначает, как «одностороннее изменение статус-кво». Это понятие тоже пришло в тезаурус японской дипломатии из США и других стран Запада. Таким способом утверждается, что менять статус-кво — будто бы в принципе нельзя, Китай не может это делать ни в Восточно-Китайском, ни в Южно-Китайском морях. Но если задуматься — получается, Китай не может, а главный партнер и союзник Японии — Соединенные Штаты — могут это делать во всех регионах мира, где захотят, и делают последние 30 лет вместе со своими союзниками.

Для стран АСЕАН ситуация приобретает такой акцент: их диалоговый партнер проводит мысль, что, конечно, поддерживает их, выражая серьезную озабоченность ситуацией в Южно-Китайском море, но это происходит не потому, что Япония признает, скажем, конкретные права Вьетнама или Филиппин, или, например, конкретное несоответствие UNCLOS, а совсем по другой причине — потому что Китай не должен «односторонне менять силой» «порядок, основанный на правилах», вообще менять сформированный гегемоном на свой вкус, условно зафиксированный и остановленный в моменте «статус-кво».

Флаги стран-участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)
ASEAN.org

* МУРАТШИНА КСЕНИЯ ГЕННАДЬЕВНА — СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ В ЮВА И ОКЕАНИИ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. ВХОДИТ В ЭКСПЕРТНУЮ СЕТЬ РОССИЙСКОГО СОВЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ.

Нужно отметить, что в диалоге с АСЕАН Япония по полной программе «отрабатывает» антиросийскую риторику, вводя в содержание переговоров и совместных документов всё, что Запад вбрасывает против нашей страны в информационное пространство. Свой фронт против нашей страны она ведет не менее активно, чем против своего китайского соперника.

Что касается АСЕАН в диалоге с Японией, то этот переговорный формат, как и многие другие, выявляет противоречия, существующие внутри Ассоциации. Для АСЕАН UNCLOS важнее и заметнее, чем для японской стороны, но не для всех стран-участниц. В каждом случае акценты, в том числе и правовые, зависят от того, кто в данный момент председательствует в организации. В полной мере необходимость применения UNCLOS в Южно-Китайском море и ее роль в международных делах из стран Ассоциации отстаивает только Вьетнам. В линии остальных участников этот аспект либо выражен более аккуратно (с целью оставить себе пространство для маневра), либо отсутствует вообще (чем больше экономическое и военно-политическое давление со стороны Китая, тем благодуще становятся высказывания).

Таким образом, Конвенция ООН по морскому праву присутствует в диалоге Японии и АСЕАН в незначительной мере. Япония придерживается обязательств перед своим союзником — США — и другими западными партнерами, продвигая их концепты, которые в этом диалоге становятся намного более заметны, чем UNCLOS. Продвижение нужных для нее понятий осуществляется через оценку значимых для АСЕАН событий и остальной мировой повестки дня.

В то же время она начала интенсивно использовать диалог с АСЕАН для продвижения своей позиции относительно спора с Китаем в Восточно-Китайском море.

Наконец, Конвенция недостаточно активно продвигается сторонами, потому что внутри АСЕАН нет единства по вопросу подхода к территориальным спорам и того, какими понятиями и доказательствами в этом случае оперировать.

Какие выводы из происходящего может сделать Россия? Наши партнеры в ЮВА находятся под мощным военно-политическим, информационным и экономическим давлением не только со стороны Запада, но и исходящим от Японии. Понимая это, нам нужно продолжать развивать свою конкурентоспособную, самодостаточную и независимую от внешних факторов экономику, собственную информационную повестку, сохранять многовекторность во внешней политике, жестко отстаивать все свои интересы и четко соблюдать нейтральную позицию в вопросе Южно-Китайского моря. Продолжать выступать, как сильный, волевой и самодостаточный актор. Это всегда вызывает и будет вызывать уважение партнеров. И те же страны АСЕАН смогут видеть в России полюс силы, надежного и самодостаточного партнера, отношения с которым создают баланс, особенно на фоне США и ЕС, навязывающих свои идеи вместе с принципами однополярного мира, или Китая, все чаще использующего методы экономического принуждения, или Японии, которая часто позволяет себе давать АСЕАН советы, вмешиваясь, таким образом, в их дела, и всеми силами пытается использовать отношения в своих интересах.

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛА ТИМОРСКОГО МОРЯ МЕЖДУ АВСТРАЛИЕЙ, ВОСТОЧНЫМ ТИМОРОМ И ИНДОНЕЗИЕЙ*

Граница между Восточным Тимором и Австралией, проходящая по акватории Тиморского моря, долгое время оставалась предметом споров, конфликтных ситуаций и даже судебных разбирательств. Проблема Тиморского моря осложняется тем, что в этом месте «накладываются» друг на друга континентальные шельфы Азии и Австралии, что вызвало и споры о принадлежности этих вод между Австралией, Индонезией и Восточным Тимором.

В акватории Тиморского моря находятся крупные месторождения нефти и газа. Кроме того, море разделяет Австралию и Юго-Восточную Азию и закономерно является важным транспортным коридором, контроль которого важен в экономическом и военно-стратегическом отношении. Эти обстоятельства значительно усложняют переговорный процесс.

Впервые речь о разделе акватории Тиморского моря зашла в начале 70-х годов, когда Восточный Тимор всё ещё оставался португальской колонией. Тогда Португалия отказалась участвовать в переговорах с Индонезией и Австралией, ожидая разработки Конвенции ООН по морскому праву.

В итоге Индонезия и Австралия провели линию разграничения между собой, а на участке границы с Португалией образовался т.н. «Тиморский разрыв», существующий и поныне.

После отделения Восточного Тимора от Португалии в 1975 г., проблема Тиморского моря обострилась. Дело в том, что в водах и портах независимого нового государства могли появиться корабли ВМФ СССР и КНР, что потенциально «разрезало» американскую систему союзов в Юго-Восточной Азии и Океании. Желание Соединенных Штатов контролировать акваторию Тиморского моря стало одной из основных причин индонезийской оккупации Восточного Тимора в середине 1970-х годов. Освобождение Восточного Тимора от власти Индонезии стало возможно лишь после окончания Холодной войны и противостояния социалистической и капиталистической систем на глобальном уровне.

В 1997 г. Австралия и Индонезия договорились о том, что Австралия владеет морским дном, включая его ресурсы, а Индонезия водами и всем, что над ними. Тем не менее, договор так и не был ратифицирован, а образование в 2002 г. Восточного Тимора в качестве независимого государства, лишь усложнило проблему «Тиморского окна», принадлежность которого теперь оспаривается тремя сторонами.

В 2006 г. был подписан Договор между Австралией и Демократической Республикой Тимор-Лешти о некоторых морских соглашениях в Тиморском море (CMATS). В 2007 г. договор был ратифицирован парламентом Восточного Тимора. По условиям этого соглашения страны признаются вправе продолжать нефтедобычу в районах, которые были разрешены внутренним законодательством сторон по состоянию на 19 мая 2002 г.. Таким образом, Австралия сохраняла доступ к месторождениям Ламинария-Коралина и некоторым другим, которые, по мнению австралийской стороны, находятся в её территориальных водах. В этом вопросе Канберра продолжает ссылаться на договор с Индонезией от 18 мая 1971 г.

Проблема этого договора для Дили заключается в том, что по состоянию на 18 мая 2002 г. законодательство Восточного Тимора ещё не было должным образом сформировано, и он не вёл никакой деятельности, поскольку официально обрёл независимость лишь 20 мая 2002 г.

По договору обе стороны делят доходы от добычи в пропорции 50:50. Тем не менее, Восточный Тимор не был согласен с такой пропорцией и настаивал на увеличении своей доли в отношении месторождения Greater Sunrise на том основании, что месторождение расположено ближе к острову Тимор, чем к Австралии. Официально эта позиция была заявлена в 2007 г. в рамках совместного постоянного комитета по договорам. В позиции Восточного Тимора, настаивающего на установлении морской границы по срединной линии между побережьями, есть существенная уязвимость. В Дили настаивают, что в таком случае, месторождение Greater Sunrise должно принадлежать Восточному Тимору. Однако, при таком методе установления морских границ, месторождение оказывается в индонезийских территориальных водах, так как находится ближе к побережью Индонезии.

Позднее Восточный Тимор отказался от признания договора CMATS в связи с открывшимися в конце 2012 г. фактами, которые свидетельствовали об установке подслушивающих устройств в соседнем от кабинета премьер-министра Мари Алкатире помещении в 2004 г.

Полученная информация существенно помогла Австралии в подписании вышеописанного договора. В 2013 г. Восточный Тимор отклонил договор о Тиморском море и передал полученные сведения в Международный суд в Гааге.

* ШАТЕРНИКОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ — МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ ИВ РАН. СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБОРОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОМ ТИМОРЕ.

В 2014 г. суд постановил, что Австралия должна прекратить шпионаж в отношении Восточного Тимора. В 2018 г. было подписано новое соглашение, в рамках которого прибыль от месторождений перераспределялась в пропорции 80:20 в пользу Восточного Тимора.

Подписание соглашения в 2018 г. ознаменовало новый этап отношений между Дили и Канберрой, однако до полной демаркации границ в Тиморском море ещё далеко – страны обязались сохранять текущее положение дел на протяжении 50 лет без обязательства вести какие-либо переговоры.

Переговоры Австралии с Индонезией продолжаются по сей день.

Таким образом, стратегическая значимость и ресурсоемкость Тиморского моря не позволяют установить постоянные границы. Каждая из сторон надеется на изменение ситуации в свою пользу и более выгодный передел акватории в будущем.

ИТОГИ НАУЧНОГО СЕМИНАРА ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ «UNCLOS 40 ЛЕТ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И В АРКТИКЕ»

Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании также стал площадкой для дискуссий о прошлом, настоящем и будущем UNCLOS. Масштабное мероприятие прошло 19 января 2023 г. и объединило ведущих специалистов-регионоведов.

Подводя некоторые итоги, главные выводы семинара можно суммировать таким образом:

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. остается крайне важной и востребованной в деле урегулирования территориальных споров в ЮКМ. Она является фундаментом как действующей ныне Декларации о правилах поведения сторон в ЮКМ, так и будущего Кодекса поведения в ЮКМ — документа, призванного создать мирную и стабильную среду в Юго-Восточной Азии.

2. Вьетнам играет выдающуюся роль в стабилизации положения в ЮКМ, проводя политику, основанную на урегулировании споров на основе международного права, мирными средствами и его действия служат примером для других стран, принимающих участие в конфликте в ЮКМ.

3. Намечившееся после визита вьетнамского лидера в Пекин и переговоров Нгуен Фу Чонга с Си Цзиньпином сближение Вьетнама и Китая является важным фактором укрепления стабильности в ЮКМ и открывает возможность решения территориальных проблем путем компромиссов и переговоров.

4. Все более очевидно, что применение силы, или угроза применения силы при урегулировании споров о суверенитете в ЮКМ уводит всю ситуацию в тупик. UNCLOS здесь должна выступать как основа для компромисса.

5. Политика России и последовательная поддержка ею UNCLOS является крайне позитивным фактором для всех стран, которые поддерживают основные положения, зафиксированные в этой конвенции. Страна таким образом выступает как один из важных центров работающих в пользу справедливости мира и стабильности в ЮКМ.

Будучи крупной морской державой, РФ призвана сыграть важную роль в развитии и поддержании морского права. Вместе с мировым сообществом, разделяющим приверженность суверенитету, Москве по силам предпринять шаги для решения задач UNCLOS XXI столетия, обеспечить неизменную актуальность и полезность конвенции еще на 40 лет.

Вступительное слово заместителя директора ИВ РАН по научной работе, кандидата исторических наук Валентина Головачева

Выступление старшего научного сотрудника ЦСАИ ИМЭМО РАН, руководителя группы исследований политики США и Канады в Мировом океане, кандидата исторических наук Павла Гудева

Доклад заведующего Центром ЮВА, АиО ИВ РАН, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Мосякова

МОРСКИЕ ПРОСТРАНСТВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА В ТРУДАХ ЦЕНТРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия

В настоящее время Тихоокеанская Азия переживает эпоху глубокой трансформации международных отношений. Прежняя структура Азиатско-Тихоокеанского региона меняется на новую - Индо-Тихоокеанского региона, это, в свою очередь, вызывает целый комплекс проблем, противоречий и конфликтов, которые рассматриваются в данной монографии. Автор монографии — профессор Дмитрий Мосяков — уделяет особое внимание роли и месту России в процессах трансформации, возможным последствиям происходящих перемен для ее политики и интересов в этом регионе мира. Труд особенно актуален в новых условиях и интенсификации «поворота на Восток».

Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы

В книге охвачен большой круг проблем: конфликт в ЮКМ в рамках глобальной политической игры, последствия одностороннего установления Китаем границ в акватории этого моря, смысл и цели процесса консультаций Китая и стран АСЕАН о выработке нового Кодекса поведения в ЮКМ, тихоокеанская политика Индии и ее интересы в ЮКМ. Кроме того, внимание было уделено причинам и последствиям гонки вооружений в регионе, потенциальной возможности начала военных действий, а также сложным отношениям в треугольнике Вьетнам — Китай — США. Особое внимание было уделено вопросам определения общего характера политики США и Китая в этом регионе мира, анализу как собственно американских интересов, так и эволюции взглядов китайского руководства на проблемы определения границ Китая в ЮКМ. Авторы сосредоточили свое внимание на том, как решить конфликт в Южно-Китайском море в рамках международного морского права.

Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном

Геополитическое соперничество США и КНР в Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанском регионе год от года разрастается. Ни смена политического руководства в США, ни глобальный кризис, вызванный пандемией коронавируса, не привели к затуханию этого соперничества. Напротив, можно говорить о том, что он перешел в новую фазу, когда в ход идут не только привычные инструменты обоюдного противодействия Пекина и Вашингтона и их воздействия на третьи страны, но и создаются новые. Авторами представлен глубокий анализ внутренних аспектов развития стран регионов в контексте их влияния на выстраивание отношений с КНР и США. Настоящая книга значительно расширяет анализ проблемы международных отношений стран ЮВА и ЮТР с современными сверхдержавами и их роли на «глобальной шахматной доске».

Институт востоковедения РАН

Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

© Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Все права защищены

2023 г.

Центр ЮВА, АиО ИВ РАН осуществляет работу в соответствии с приоритетными научными направлениями фундаментальных исследований РАН в тесной увязке с национальными интересами России.

Цель данного бюллетеня — анализ произошедших с начала СВО изменений и основных трендов в отношениях России с государствами Юго-Восточной Азии, а также выработка практических предложений в области приоритетных направлений для развития всесторонних отношений со странами АСЕАН в условиях активизации «поворота России на Восток».